

Надежда Переверзева —

заведующая отделом мемориального
дома Л. Н. Толстого, хранитель
мемориального изобразительного
и вещевого фонда музея-усадьбы
Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».
peria@list.ru

Халат

как знаковая деталь быта Льва Толстого

Аннотация

Одежда Льва Толстого в значительной степени была маркером его мировоззрения. В этом отношении блуза стала для последователей писателя знаком принадлежности к его взглядам. Не только блуза, но и халат занимал большое место в бытовой и творческой жизни яснополянского гения.

В статье представлены подлинные халаты Льва Толстого, хранящиеся в его доме в музее-усадьбе «Ясная Поляна», а также обозначены смыслы бытового употребления халата писателем: от изменения жизни до мотивации для творчества.

Ключевые слова: культура повседневности; Лев Толстой; одежда как маркер мировоззрения; блуза; халат; Ясная Поляна.

Юрий Лотман в книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)» так определял понятие быта: «Быт — это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение» (Лотман 1994: 10). В нашем случае это вещи Льва Толстого, его привычки и каждодневное поведение.

Одежда писателя была не просто частью его быта, она была выразителем его взглядов. Достаточно вспомнить знаменитую толстовскую блузу, в которую оделись единомышленники Толстого, желая походить на своего кумира. Популярность нового мировоззрения писателя, высказанного в книге «Исповедь», была настолько велика в обществе, что его последователей стали называть «толстовцами», а их рубахи — «толстовками».

Не только знаменитая блуза была знаком миропонимания писателя, большое место в его бытовой и творческой жизни занимал халат.

В 1903 году Толстой начал работу над «Воспоминаниями», в которых, анализируя свою жизнь, пишет: «Вспоминая так свою жизнь, т. е. рассматривая ее с точки зрения добра и зла, которые я делал, я увидал, что моя жизнь распадается на четыре периода: 1) тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет; потом второй ужасный 20-летний период грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, — похоти; потом третий 18-летний период от женитьбы до моего духовного рождения, который с мирской точки зрения можно было бы назвать нравственным, так как в эти 18 лет я жил правильной, честной семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам, но все интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями.

И, наконец, четвертый 20-летний период, в котором я живу теперь и в котором надеюсь умереть, и с точки зрения которого я вижу все значение прошедшей жизни и которого я ни в чем не желал бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мною в прошедшие периоды» (Толстой 1928–1958: т. 34: 347). В этих словах Толстого заключена его духовная биография, которая, как он считал, «...будет полезнее для людей, чем... 12 томов сочинений...» (Там же: 348).

Следуя словам Толстого о периодах его жизни, заметим, что, вспоминая раннее детство, Лев Николаевич называет предметы, которые

его окружали и которыми он дорожил: «кровать с положком», «подушка» и «халат с подтяжкой, пришитой к спине». Халат связан с важным событием жизни пятилетнего Левочки — переводом со второго этажа дома от младшей сестры, няни и тетюшек, на первый этаж, «под надзор» немца — гувернера Федора Ивановича Рёсселя, в комнаты старших братьев. Толстой так описывал свои чувства: «При переводе моем вниз к Федору Ивановичу и мальчикам я испытал в первый раз и потому сильнее, чем когда-либо после, то чувство, которое называют чувством долга, чувством креста, который призван нести каждый человек... Я все не верил, что это будет, хотя мне и говорили про то, что меня переведут к мальчикам, но, помню, халат с подтяжкой, пришитой к спине, который на меня надели, как будто отрезал меня навсегда от верха, и я тут в первый раз заметил не всех тех, с кем я жил наверху, но главное лицо, с которым я жил и которую я не помнил прежде. Это была тетинька Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нежную, жалостливую. Она надевала на меня халат, обнимая подпоясывала и целовала, и я видел, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. — В первый раз я почувствовал, что жизнь не игрушка, а трудное дело» (Толстой 1928–1958: т. 23: 473). Таким образом, перефразируя Лотмана, скажем, что для Толстого халат — «это знак, содержанием которого» стало серьезное изменение жизни. Как предмет гардероба Николеньки Иртеньева халат упоминается в автобиографической повести Льва Толстого «Детство»: «...бывало, придешь наверх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: „Спаси, Господи, папеньку и маменьку“» (Толстой 1928–1958: т. 1: 44).

Матери своей Толстой не знал, она умерла, когда маленькому Левочке не исполнилось двух лет. Детство же закончилось со смертью отца в 1837 году. В 1841 году состоялся переезд детей Толстых в Казань, к опекунше тетюшке Пелагее Ильиничне Юшковой. Об этом периоде жизни Толстой писал: «В Казани я... начал развращаться... Не только с Казани, но еще и прежде я занимался своей наружностью: старался быть светским, *comme il faut*» (Толстой 1928–1958: т. 34: 379). Это понятие, усвоенное писателем в юности, определило его отношение в 1840–1850-х годах ко всем сферам жизни, в том числе и к одежде. В повести «Юность» главный герой Николенька Иртеньев отмечал: «Отношение сапог к панталонам тотчас решало в моих глазах положение человека» (Толстой 1928–1958: т. 2: 173).

Однако во время увлечения светскими правилами и приличиями были моменты, когда Толстой проявлял равнодушие к своей

внешности. Приезжая летом на каникулы в Ясную Поляну, он забывал и светский этикет, и *comme il faut*. В беседе с Павлом Бирюковым, своим биографом, он вспоминал: «Я сшил себе халат такой, чтобы в нем можно было и спать, и ходить. Он заменял постель и одеяло. У него были такие длинные полы, которые на день пристегивались пуговицами внутрь» (Гусев 1973: 134).

Таким образом, находясь среди природы в своей любимой Ясной Поляне, размышляя о своем назначении, писатель позволял себе простую одежду, свободный стиль жизни в целом. Пространство Ясной Поляны диктовало, навязывало Толстому одежду, не стесняющую движений, и вскоре она стала для писателя необходимостью. Владимир Порудоминский в книге «Если буду жив...» заметил о Толстом: «О своем физическом ощущении, когда после отлучек возвращался в Ясную, он говорил: „Я точно свою старую одежду надел“. В „Войне и мире“ он напишет о Пьере, который любил жить в Москве; оказываясь там, он чувствовал себя покойно, тепло и привычно, как в старом халате» (Порудоминский 2012: 18).

23 сентября 1862 года. Лев Толстой женился на Софье Берс, дочери придворного врача. Сразу после свадьбы молодые приехали в Ясную Поляну. С этого момента начинается и продолжается почти до конца 1880-х годов третий, как обозначил писатель, «с мирской точки зрения... нравственный» период его жизни. Это время было для Толстого едва ли не самым плодотворным. Оно озаменовано появлением «Войны и мира», «Азбуки», «Анны Карениной» и других произведений.

Когда в 1870-х годах Толстой работал над «Анной Карениной», его кабинет располагался в нижней библиотеке. В ней стояли шкафы с книгами, а на задних стенах шкафов тогда висело верхнее платье писателя. Илья Толстой, сын писателя, так описывал отца в то время: «Утром папа выходит из спальни, которая наверху в углу дома, в халате и с свалянной в кучу, нечесаной бородой, идет вниз одеваться. Потом он выходит из кабинета свежий, бодрый в серой блузе и идет в залу пить кофе» (Толстой И. 1969: 56). Однако были дни, по замечанию Софьи Андреевны, когда писатель садился за работу «не пивши кофе». В дневниках середины 1870-х годов она цитирует мужа, который рассказывает о том, «как ему приходят мысли к роману (тогда это „Анна Каренина“): „Сижу я внизу, в кабинете, и разглядываю на рукаве халата белую шелковую строчку, которая очень красива. И думаю о том, как приходит в голову людям выдумывать все узоры, отделки, вышиванья; и что существует целый мир женских работ, мод, соображений, которыми живут женщины. Что это

На с. слева
фрагмент
интерьера спальни
Л.Н. Толстого
с купальным
халатом. Фото:
А. Богомоловой
2025 г.

должно быть очень весело, и я понимаю, что женщины могут это любить и этим заниматься. И конечно, сейчас же мои мысли (т. е. мысли к роману). Анна... И вдруг мне эта строчка дала целую главу. Анна лишена этих радостей заниматься этой женской стороной жизни, потому что она одна, все женщины от нее отвернулись, и ей не с кем поговорить обо всем том, что составляет чисто женский круг занятий» (Толстой 1928–1958: т. 20: 622). То есть строчка на халате послужила для писателя стимулом для творчества. Более того, в письме к Михаилу Салтыкову-Щедрину от 1–3 декабря 1885 года халат упомянут Толстым как метафора литературного труда: «Про себя скажу, что, когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение» (Толстой 1928–1958: т. 63: 307).

В отличие от Анны Карениной, в круг женских занятий была глубоко вовлечена жена писателя Софья Толстая. Именно она шила и блузы, и халаты своему мужу. В яснополянском доме сохранилось четыре халата, которые относятся к четвертому периоду жизни писателя. Один из них висит в спальне. Его иногда называли купальным, так как Лев Николаевич надевал его, когда шел купаться на реку Воронка, которая протекает по территории Ясной Поляны. Халат сшит из светлой неотбеленной рогожки; двубортный, длинный, прямого покроя, с накладными карманами; с двумя крупными перламутровыми пуговицами; с поясом.

Еще три халата представлены в комнате личных вещей. Один из них песочного цвета. Он сшит из шерстяного трикотажного полотна, прямого покроя, длинный, двубортный, с четырьмя прорезными карманами и воротником — шалью; со съёмным поясом на пуговицах. Подкладка шелковая, бежевого цвета. Об этом предмете зять писателя Михаил Сухотин в дневнике от 25 января 1907 года записал: «Вчера писал о необыкновенной бодрости Л. Н., а сегодня снова он жалуется и киснет... Надел на себя песочного цвета халат (верный признак его недомогания), на голову тубетейку и даже на утреннюю прогулку не вышел» (Сухотин 1961: 191).

Самочувствие писателя по одежде определял и его врач Душан Маковицкий. Он жил в Ясной Поляне и на протяжении шести лет (с 1904 по 1910 год) вел дневники, в которых отмечал все события усадьбы жизни. Маковицкий так описывает день Толстого: «Л. Н. встает около восьми, но очень часто и раньше. Надевает туфли и халат, который, ложась спать, кладет на кресло у постели... Потом

Л.Н. Толстой
и доктор
К.В. Волков.
Писатель в песочном
халате. Фото:
С.А. Толстой 1902 г.

обыкновенно садится на кровать и... записывает мысли, иногда значительные сны... Иногда не умывшись и в халате, садится за письменный стол и пишет Дневник или серьезную работу» (Маковицкий 1979–1981: кн. 1: 328).

В «Яснополянских записках» доктора часто встречается теплый синий халат, сшитый Софьей Толстой и простеганный ею пухом от детских одеялец, пришедших в негодность. Вот некоторые из записей: «Л. Н. пришел к чаю в халате. Халат днем или по вечерам надевает только когда ему нездоровится» (Там же: кн. 2: 120), «Л. Н. в темно-синем длинном теплом халате, сторбленный, подошел ко мне...» (Там же: 335).

Сохранился в доме писателя еще один халат, в котором писателя увидел Василий Розанов, приехав в Ясную Поляну. Вспоминая встречу, он записал: «Л. Н. был одет в старый халат-пальто-шляфрок, подвязанный ремнем» (Розанов 1989: 283). Сохранность халата такова, что напрашивается вывод: он был особенно любим Толстым. Предмет шит из шерстяной ткани лилового цвета, слегка расширен книзу, рукава втачные, воротник — шалью; без застежки. Подкладка неоднократно поновлялась, состоит из нескольких фрагментов: на полах и на верхней части спины из ткани лилового цвета в клетку, на спине подшита тканью серо-коричневого цвета, в рукавах синяя.

Таким образом, халат был для Толстого не просто одеждой, с которой начинался и заканчивался день. Он стал для него знаком изменения жизни, стимулом для творчества, метафорой пространства и литературного творчества, а также выразительной художественной деталью его героев. Достаточно сказать, что в литературном наследии писателя халат упоминается двести пятьдесят пять раз. А для близкого окружения Толстого халат стал знаком самочувствия его обладателя.

Размышляя об авторе «Войны и мира», Розанов заметил: «Одежда на Толстом страшно важна: она одна гармонирует с ним, и надо бы запомнить, знать и описать, какие одежды он обычно носил. Это важнее, чем Ясная Поляна, от которой он давно отстал. В одежде было то же простое и тихое, что было во всем нем. Тишь, которая сильнее бури; нравственная тишина, которая неодолима раздражения и ярости» (Там же).

Литература

- Гусев 1973* — Гусев Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973.
- Лотман 1994* — Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVII — начало XIX века). СПб., 1994.
- Маковицкий 1979–1981* — Маковицкий Д. У Толстого, 1904–1910: У Толстого, тысяча девятьсот четвертый — тысяча девятьсот десятый: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого: в 4 кн. М., 1979–1981.
- Порудоминский 2012* — Порудоминский В. Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины. СПб., 2012.
- Розанов 1989* — Розанов В. Мысли о литературе. М., 1989.
- Сухотин 1961* — Сухотин М. Толстой в последнее десятилетие жизни // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М., 1961.
- Толстой И. 1969* — Толстой И. Мои воспоминания. М., 1969.
- Толстой 1928–1958* — Толстой Л. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1958.